

Истории от доктора

В.И. Мартынову - моему первому учителю и наставнику

Виктор Иванович был большим человеком во всех смыслах этого слова. Вес, рост, низкий весомый бас, положение главного врача больницы, большая всенародная любовь и уважение. Особенно моё, так как всю первую неделю своей начавшейся врачебной трудовой деятельности в клинике я ходил за шефом не просто хвостиком за попой, но и ниточкой за иголочкой, и вагочиком за паровозиком, и деткой за мамкой.

На третий день нашего неразлучного параллельного слалома по родзалу, операционной и другим весьма интересным помещениям больницы, мы зашли в гинекологическую смотровую, где уже в полной покорной боевой готовности на кресле пребывала солидная во всех смыслах дама.

- Виктор Иванович, а что мы будем сейчас делать? - моему исключительно рабочему нетерпению и любопытству не было предела.
- Не мы, а я! И делать я буду гинекологический массаж для исправления положения матки при бесплодии.
- А я Вам не помешаю? - мои глаза горели, а руки чесались профессиональным зудом.
- Не помешаешь... Но и не поможешь. Так что знаешь... пошёл-ка ты вон! Надоел уже!..

*****

Всеукраинский конкурс хороших коллективов районных медицинских учреждений! А? Звучит?! И не надо смеяться, это не смешно. Это, можно сказать, самое найсерьёзнейшее, почти медицинское мероприятие, к которому готовились все больницы республики каждые три года.

Главный врач клиники Виктор Иванович был солистом, художественным руководителем, главным заводилой, идейным вдохновителем и одним из аж трёх(!) участников мужского хора центральной районной больницы, состоящего ещё из примерно ста двадцати голосащих женщин. Каким только образом не отбрыкивались врачи-мужчины! К каким только ухищрениям не прибегали они, бедные, дабы избежать всеобщей мобилизации в ряды участников певческого коллектива! Травматологи несли справки о переломе обеих ног и смещении трёх шейных позвонков, хирурги показывали анализы с вялотекущим перитонитом, дерматолог так вообще предъявлял бумагу, что у него заразная открытая форма венерического заболевания, ну а стоматологи просто вынимали вставные челюсти, дребезжащие при малейших попытках взять «до» второй октавы.

- Петь умеешь? - было первое, что я услышал от заведующего на собеседовании при приёме на работу.
- Э-э-э, ну это... как его...
- Ты что, глухонемой?!
- Нет! Ну, это... если в ванной, - заблеял я, предчувствуя опасность.
- Репетиция сегодня в семь! - его бас звенел в моих ушах, не обещая ничего хорошего.
- Пой! - сказал он мне, когда все построились: мы, четверо мужчин, впереди, и женщины трёхрядной китайской стеной за нашими спинами, перекрывая пути к бегству мужскому меньшинству.
- Что петь?

- «Ленин такой молодой», это наша песня для выступления.

Я взял первые ноты, замечая, как всё больше и больше хмурится лицо Виктора Ивановича во время моего соло, которое было очень на любителя.

- Стоп! - разочарованно скомандовал он. И после секундного раздумья добавил:
- Значит так: стоять ты будешь в центре, рот открывай, но беззвучно, а для внешнего вида сойдёшь. Всё-таки, ещё один мужик.

Мои акции упали почти до нулевых отметок, я уже видел себя лишённым доступа в операционную и родильный зал, мне уже мерещились горы выписок и анализов, которые мне надо перелопачивать и заполнять, но тут вдруг в голову озарением свыше пришла спасительная идея:

- Виктор Иванович, у меня жена закончила вокальное отделение!!!
- Вокальное?! - прервал он меня. Магическое слово «вокальное» произвело на него впечатление, подобное благословенному дождю манны небесной.
-А можно твоя жена нам чу-у-у-точку подпоёт? - его бас стал почти заискивающим тенором.
- Можно, - великодушно разрешил я, предвкушая быстрый карьерный рост и все прилегающиеся к этому земные блага.

На конкурсе через два месяца в соседнем областном центре наш больничный хор занял второе место среди семидесяти коллективов, за что мы были премированы поездкой в Киев на три дня. А Виктор Иванович - так просто плакал, роняя скупую мужскую слезу, когда моя супруга своим высоким колоратурным сопрано солировала:
«И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди».

P.S. За две недели до выступления моя жена была принята на работу в больницу на должность санитарки гинекологического отделения на четверть ставки, чтобы всё было официально и по-честному. Ну а после поездки в Киев снова уволена с благодарственной записью в трудовой книжке за выдающийся вклад в трудовую жизнь больницы.

*****

Поездка в Киев хорошего коллектива обескровила больничное учреждение. *Все ушли на фронт*, вернее уехали праздновать успешное выступление на конкурсе, конечно же заранее всё тщательно спланировав и подготовив. Из больницы выписали всех, кто мог ходить хотя бы на костылях и самостоятельно без аппарата дышать. Всех интубационных разинтубировали, всех беременных разродили, а психиатрию так вообще закрыли по причине стопроцентного и абсолютного выздоровления всех пациентов. В каждом отделении оставили по одному сотруднику: в хирургии остался Сеня Цветковский - врач-травматолог; педиатрию и терапию объединили, оставив на страже детского врача-интерна Сергея Калистратова, а на всю женскую половину человечества поставили часовым вашего покорного слугу, очевидно в наказание за врождённое отсутствие голоса и слуха. Старшим назначили Цветковского - балагура и выпивоху, душу всех компаний и хорошего врача.

Что делают трое мужиков, вынужденных несколько дней безвылазно жить в больнице? Правильно! Они пьют. Благо спирт, в котором замачивались хирургические операционные инструменты для стерилизации, находился в размере четырёх кубических метров за стеной, а ключ отдали на хранение нашему вождю Сене. Выглядело потребление напитка примерно так: через верхнее отверстие в ёмкости забирался литровой кружкой спирт, а туда

вливался литр физраствора, очевидно для сохранения визуального ощущения *полноналития*. Какой-то литр на четыре тонны! Кто такое заметит? Расписание пиршеств было следующим: утром, после обхода - завтрак, переходящий в обед (а вы думаете, кто придумал бранч?), затем снова обход, и вечером ужин до... пока были силы лезть наверх для забора спирта. Я думаю, это отверстие в стерилизационном баке придумали специально сверху, чтобы ограничить количество выпитого - по принципу: кто уже не мог залезть наверх по лестнице, тому и хватит...

Женщину с кровотечением привезли после девяти вечера, когда силы идти за спиртом остались только у самого опытного Цветковского.

Я спустился в приёмный покой и мгновенно протрезвел, увидев пациентку. Даже издали нетрезвому глазу было видно, что её кровопотеря уже становилась близкой к критическому уровню.

- Сеня, у «меня», похоже, внematочная, до областного центра не доведем, санитарная авиация будет только часа через три, а я самостоятельно ещё ни одной операции не делал. Теоретически знаю, сто раз видел, но сам... в живот не войду, а тем более не выйду.

Цветковский допил остатки алкоголя, закусил огурчиком и совершенно спокойным, почти трезвым голосом сказал:

- Ну, в живот-то войти и выйти я смогу, а вот в брюхе разбирайся сам. Не царское это дело. Пошли мыться.

В животе было три литра крови. Санитарка, стоящая напротив, держала на уровне моих глаз атлас оперативной гинекологии с рисунками хода операции. А трезвый, и потому завистливый, анестезиолог командовал, чтобы «мужики работали побыстрее, а то бабу потеряем».

Сеня в живот вошёл и вышел, я позашивал разорванную в клочья маточную трубу, сдал пол-литра одnogруппной крови для прямого переливания пациентке, и уже через час мы снова перекусывали спиртом в компании Калистратова, пожалуй даже не заметившего нашего отсутствия.

Через неделю здоровую женщину с моими перелитыми ей *промиллями* и тестостероном в крови выписали домой снова беременеть, меня стали допускать в операционную, а старшая медсестра больницы по приезде с понимающей грустью вынуждена была в очередной раз менять содержимое стерилизационной ёмкости ввиду упавшей градусности действующего раствора.

*****

Хотя Цветковские и являлись нашими дальними родственниками, виду они не подавали, родственность игнорировали, попутно скрывая своё явное иудейское, написанное на лице, происхождение, очевидно боясь провала своих паролей и явок моим нескрываемым еврейским прононсом буквы «Р».

Семён Борисович, ортопед-травматолог, и Ирина Семёновна, врач-невропатолог, дорожили своим статусом и положением в коллективе и тщательно его оберегали от посягательств безродных родственников в моём лице, о чём мне и было дано понять вскоре после начала моей трудовой деятельности в больнице. Фразу Цветковского в ответ на заявление, что в родственники не набиваюсь, но я такой же врач, как и они, я не забуду никогда:

«Ну, врачом ты станешь, пожалуй, только тогда, когда сможешь накормить содержимым холодильника десять человек в воскресенье вечером, без предупреждения заявившихся в гости».

Через пару лет, когда я, закончив клиническую ординатуру, стал заведующим отделением, они частенько зазывали нас в гости, но мы не шли. Нет, обида давно прошла, к тому же я всегда был искренне благодарен Ирине Семёновне за то, что она однажды очень помогла моей жене, просто... Просто я мог уже не только спокойно накормить десять непрошенных гостей в воскресенье вечером, но и достойно принять в любое время любое количество своих собственных друзей, в число которых Цветковские не вошли.

*****

Квартиру перспективному молодому специалисту «дали» относительно быстро: главный врач объехал три колхоза-миллионера в области, взял сорок пять тысяч рублей кредита на 25 лет на моё имя, и мы с женой купили шикарную квартиру в недавно построенном доме.

На новоселье было приглашено столько народу, что кушать приходилось стоя, с подносов, на ходу (а вы думаете, кто придумал шведский стол?). Среди приглашённых был, конечно, главный врач больницы со всеми замами, партийное и хозяйственное руководство района (акция с кредитом на квартиру была провёрнута с их негласного позволения), многие коллеги по работе, знакомые и друзья.

Алик, директор районного кинотеатра, не входил ни в один из вышеперечисленных контингентов, просто я когда-то помог его матери, и он сказал, что «будет должен». Зная, что во всём районе огромная редкость - японский видеомагнитофон - есть только у него, я попросил Алика привезти его на новоселье как особенный сюрприз для гостей, невиданный для подавляющего большинства из них. А заодно подобрать какой-нибудь приличный заграничный фильм. Он сказал, что привезёт «Екатерину» - исторический фильм. «Будет неплохо», - подумал я и согласился.

Алик опоздал на полчаса, гости в томительном ожидании расселись в гостиной, как в кинотеатре - рядами, согласно статусу о рангах: впереди руководство района и больницы - солидно и в галстуках, за ними во втором ряду замы и инструктора всевозможных райкомов, ну а прочие «второстепенные» гости вынуждены были смотреть, стоя в третьем ряду, по-жирафьи вытягивая шеи, чтобы лучше видеть происходящее на экране. Videомагнитофон долго не хотел включаться, потом что-то в нём заскрипело, клацнуло, дёрнулось и... За всю мою некороткую жизнь я по-настоящему оконфузился всего два раза. О первом расскажу как-нибудь попозже, а тогда, на новоселье, это случилось во второй раз. Это была незабываемая трагедия, вписанная навсегда в анналы вселенского позора!

Первые кадры фильма с императрицей в полупрозрачном нижнем белье заставили девственно-непорочных зрителей слегка напрячься. Когда же в кадре появились обнажённые гвардейцы, то гости мужского пола, пребывавшие всё ещё в лёгком недоумении, стали класть ноги на ноги, расслабляя ставшие вдруг тесными галстуки на шеях, а женщины нескрываемо и неприлично краснеть. Но когда в тронный зал ввели коня, а Екатерина, скинув абсолютно всё, осталась в распростёртом неглиже, бедный Ёрик, в смысле Алик, пунцовый и мокрый от стыда и напряжения в чреслах, начал что-то судорожно и неконтролируемо нажимать и дёргать на аппарате. Но этот японский самурай не поддавался, как-будто хотел, как настоящий профессионал, исполнив долг,

довести сеанс до конца. Екатерина уже вступила в связь с каждым по отдельности и со всеми подряд, включая коня, на экране стали появляться неодетые фрейлины, и тут я не выдержал, вскочил с места и, рискуя сломать ценный экземпляр заграничной чудо-техники, выдернул шнур из розетки. Это была самая крутая немецкая порнография, поставляемая западной киноиндустрией, и самое весёлое новоселье за всю историю больницы. Тридцать с лишним ртов выдохнули одновременно со свистом застрявший в горле воздух и снова глубоко вздохнули, и только главный врач после некоторой паузы выдал многозначительное, весомое, положенное по статусу «М-да!», вытирая со лба испарину. Короче, вечер удался... О новоселье в больнице говорили ещё долго: присутствовавшие - с восхищённым негодованием, отсутствовавшие - с нескрываемой осуждающей завистью. А мы с женой... вынуждены были настилать во всей квартире новый линолеум, взамен протыканного женскими каблучками и шпильками во время танцев, и менять электрическую розетку, которую я вырвал с корнем, спасая свои скоропостижно скончавшиеся честь и репутацию.

P.S. Через несколько лет я расплатился в банке по кредиту за квартиру одной купюрой в пятьдесят тысяч со словами: «Сдачи не надо», ибо зарплата моя к тому времени составляла больше миллиона, а подобные фильмы стали неотъемлемой частью новой жизни, распиная последние остатки нашей врождённой советской целомудренности.

Будьте здоровы и счастливы, дорожите своими друзьями, приходящими в воскресенье вечером, и не стесняйтесь петь, хотя бы в душе.

Ваш доктор Шаевич